

Цзян Чицю медленно поднял руку, прикрывая глаза. Его взгляд снова погрузился в темноту, и, погружённый в воспоминания, он плотно сжал губы, выглядев напряжённым. Со стороны казалось, будто ему снится кошмар.

Шу Бэйюань оставил своих охранников поодаль и один поднялся в фургон Цзян Чицю.

Услышав шаги, Цзян Чицю подумал, что это его помощник, и продолжил сидеть в той же позе.

С точки зрения Шу Бэйюаня, стройный мужчина был плотно укутан в тёмно-серый плед. Он болезненно прикрывал глаза рукой, и на его лице читалась... никогда ранее не проявлявшаяся уязвимость.

Шу Бэйюань на мгновение замер, и его сердце внезапно забилось чаще.

Цзян Чицю на самом деле не спал. Услышав, что шаги остановились позади него и не возобновлялись, он медленно опустил руку.

— Бэйюань? Как ты так быстро приехал? — Увидев мужчину за своей спиной, Цзян Чицю явно растерялся. Он поднялся с кресла, — Я думал, ты приедешь позже.

Став императором кино, Цзян Чицю и Шу Бэйюань уже не были в отношениях начальника и подчинённого. Шу Бэйюань был человеком свободным и ещё давно позволил Цзян Чицю называть его по имени.

— Садись, садись, зачем ты всегда так со мной церемонишься. — С этими словами Шу Бэйюань уселся на диван в другой части фургона и с лёгкостью достал бутылку воды из встроенного холодильника.

Выражение лица Шу Бэйюаня ничем не отличалось от обычного, как будто человек, который только что замер, увидев Цзян Чицю, был не он.

Цзян Чицю сел, Шу Бэйюань сделал глоток воды, а затем посмотрел в окно на суетящуюся съёмочную группу.

Он внезапно спросил Цзян Чицю:

— Как Шу Сунси справляется?

Сейчас Шу Бэйюань играл роль заботливого старшего брата, и его тон звучал так, будто он действительно беспокоился о своём младшем брате. Если бы Цзян Чицю не знал сюжета книги «Небесный бог шоу-бизнеса из богатого клана», он бы точно поверил.

Цзян Чицю улыбнулся, подумал и ответил:

— У Шу Сунси большой талант к актёрскому мастерству, если он продолжит развиваться, его ждёт блестящее будущее.

— Хм... — Шу Бэйюань продолжал вертеть в руках бутылку с водой, не говоря ни слова.

Через некоторое время он снова поднял взгляд на Цзян Чицю.

— Почему ты укутался в плед? — Наконец он задал вопрос, который хотел задать с самого начала.

— А, это, — Цзян Чицю машинально потрогал плед, а затем ответил Шу Бэйюаню, — Только что сняли сцену под дождём.

Услышав это, Шу Бэйюань нахмурился:

— Сегодня такая низкая температура, зачем снимать в такой день. — Будучи старшим сыном богатой семьи, Шу Бэйюань иногда действительно не понимал трудностей других.

С этими словами он вдруг встал и позвал своего секретаря, стоящего за пределами фургона.

— Купи для съёмочной группы ночной перекус и горячие напитки. — распорядился он.

Услышав его слова, Цзян Чицю машинально хотел отказаться. Съёмки «Помоста» проходили на окраине города, и купить что-то ночью здесь было очень неудобно.

Шу Бэйюань, похоже, угадал его мысли и, не дожидаясь ответа, махнул рукой, отпуская секретаря.

Шу Бэйюань часто навещал Цзян Чицю на съёмках, но сегодня он, казалось, особенно заинтересовался жизнью на площадке. Посидев немного, он попросил Цзян Чицю сопровождать его на съёмочную площадку.

Хотя Цзян Чицю, только что попавший в этот мир, чувствовал себя уставшим и хотел отдохнуть, его профессиональная этика заставила его подняться с кресла.

Шу Бэйюань, скорее, интересовался своим сводным братом Шу Сунси, чем самими съёмками.

Сейчас было время отдыха Цзян Чицю, но Шу Сунси, как главный герой, всё ещё был занят напряжёнными съёмками.

Это была та же самая сцена в переулке, где снимали боевую сцену.

Несмотря на то, что он уже сменил мокрую одежду, ночной холод легко проникал сквозь тонкую рубашку. Поэтому, выходя из фургона, Цзян Чицю не снял плед, а, наоборот, укутался в него ещё плотнее.

Когда Цзян Чицю вышел из фургона, сотрудники съёмочной группы невольно обратили на него внимание.

В этот момент большая часть его тела была скрыта под тёмно-серым пледом, а его кожа под лунным светом казалась бледной. Его действия, укутывающиеся в плед, выглядели со стороны... довольно мило.

В отличие от тех, кто восхищался про себя, Шу Бэйюань, обернувшись и увидев образ Цзян Чицю, прямо высказал то, о чём думали все.

— Ты выглядишь просто очаровательно. — Как плейбой, такие слова для Шу Бэйюаня не были чем-то необычным. Цзян Чицю, знавший его много лет, уже привык к его манере общения.

Цзян Чицю улыбнулся, но ничего не сказал, а окружающие сотрудники выглядели так, будто только что узнали что-то очень интересное.

Те, кто работал в съёмочной группе «Помоста», были элитой кинематографа Хуаго. Но даже их мир был далёк от того, в котором существовал Шу Бэйюань.

Некоторые хотели заговорить с Шу Бэйюанем, но те, кто понимал ситуацию, знали, что сейчас не лучшее время для этого.

Цзян Чицю и Шу Бэйюань вместе подошли к месту, где снимался Шу Сунси, и сотрудники автоматически расступились, оставив им место.

Увидев юношу, снимающегося в боевой сцене, Цзян Чицю искренне похвалил:

— Его движения очень красивы, он, должно быть, много работал над этим.

Шу Бэйюань улыбнулся:

— Мой отец всегда содержал его в городе А, ежегодно выделяя миллионы на его воспитание.

Шу Бэйюань сказал это без какого-либо контекста, но Цзян Чицю понял его.

В отличие от жены, с которой он сошёлся по политическому браку и не испытывал особых чувств, глава клана Шу очень любил мать Шу Сунси и никогда не скупился на содержание.

Хотя он также любил Шу Сунси и даже поручил Шу Бэйюаню тайно заботиться о нём, это не меняло того факта, что он был человеком, ставившим интересы выше всего.

Он знал, где проходит грань терпения его жены, поэтому за все эти годы так и не признал Шу Сунси своим сыном.

До сих пор Шу Сунси не знал, что его отец жив и является всемирно известной личностью.

Мать Шу Сунси с детства давала ему всё лучшее, особенно не жалея средств на образование.

Его навыки не могли быть достигнуты просто так, они требовали значительных вложений времени и сил.

Цзян Чицю и Шу Бэйюань стояли здесь, непринуждённо беседуя, когда Шу Сунси наконец закончил съёмку этой сцены.

Повернувшись, юноша увидел Цзян Чицю и Шу Бэйюаня, стоящих вместе, как будто в своём собственном мире.

По какой-то причине Шу Сунси вдруг почувствовал, что эта сцена режет ему глаза — Цзян Чицю и Шу Бэйюань были из одного мира, а он сам казался лишь наблюдателем.

Шу Сунси внезапно вышел из радости, которую принёс ему плед от Цзян Чицю. Хотя внутри он чувствовал лёгкую подавленность, внешне это никак не проявлялось.

Тем временем ночной перекус, заказанный Шу Бэйюанем, наконец прибыл.

Как «бог удачи» Хуаго, Шу Бэйюань был щедр.

Еда была доставлена из пятизвёздочного отеля, принадлежащего клану Шу, и даже с предварительным заказом получить её было непросто.

Закончив съёмки, Шу Сунси вернулся в зону отдыха, где охранник Шу Бэйюаня подошёл к нему и вручил горячее молоко и свежее испечённые десерты.

Шу Сунси немного замешкался, но взял угощения.

— Спасибо... — машинально произнёс он, принимая еду.

Услышав это, охранник улыбнулся:

— Не за что, это мой молодой господин передал всем от имени господина Цзян.

«Мой молодой господин, от имени господина Цзян?»

Услышав эти слова, Шу Сунси на мгновение замер.

Во время раздачи еды съёмочная группа была шумнее обычного. Услышав слова охранника, окружающие сотрудники тоже тихо зашумели, обмениваясь понимающими взглядами.

<http://bllate.org/book/15283/1352850>